

© 1999 г. А.Л. ШИЛОВ

ЕСТЬ ЛИ СКАНДИНАВСКАЯ ТОПОНИМИЯ В КАРЕЛИИ?

(О ТОПОНИМИЧЕСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ В РЕШЕНИИ
ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ)

Вопрос, вынесенный в заголовок, неоднократно поднимался в литературе и мы сочли необходимым рассмотреть его подробно. Дело в том, что при положительном ответе на него этимологический анализ карельской топонимии должен будет учитывать и такую возможность (скажем при интерпретации названия болота *Грийдам*). С другой стороны, ответ на этот вопрос немаловажен для древней истории края.

Оговоримся, что мы исключаем из рассмотрения территорию северо-западного Приладожья (погосты Задней Корелы Водской пятины), с конца XVI в. входившую в состав шведской Финляндии. Есть археологические свидетельства и более раннего (2 пол. I тыс. н.э.) посещения скандинавами этого района [АК 1996: 313–315]. Нерусская его топонимия характеризуется так: "Основной фон составляют финско-карельские наименования мест, хотя встречаются и римско-католические, скандинавские и нижненемецкие. Более древний пласт составляют топонимы саамского происхождения" [Мамонтова, Кочкуркина 1982].

Вопрос о скандинавской топонимии в Карелии должен быть рассмотрен по следующим пунктам: показания археологии; показания письменных источников; показания антропонимии; показания топонимии. Без рассмотрения первых пунктов, приступить к последнему нет смысла, ибо большинство топонимов любой территории при желании могут быть возведены к лексике любого языка путем "этимологической пытки" (выражение Н.И. Надеждина).

Такое рассмотрение должно проводиться, прежде всего, с точки зрения наличия не столько фактов разовых экспедиций (торговых, промысловых или грабительских), сколько возможности появления (пусть временного) оседлого скандинавского населения, то есть свидетельств наличия торговых факторий, постоянных пунктов сбора дани, крестьянских поселений. А priori ясно (и показано в [Рыдзевская 1934; 1978; Ловмянский 1985]), что временные находники топонимии не создают (их присутствие может отразиться лишь в топонимии, созданной аборигенами, см. ниже); она возникает лишь в результате сколь-либо постоянного присутствия пришлого населения.

Подкрепим последнее примером. Новгородцы многократно наведывались в Финляндию: в земли *Еми* (*Häme*) и на *Каяно-море* – в Северную Приботнию. О торговой поездке рассказывает берестяная грамота XIV в. [Зализняк 1995, № 286], о военных экспедициях – летописи [ГВНП 1949: 311; НПЛ: 67, 72; ПСРЛ: 45, 58, 75, 97, 170; Арх. лет. 1950: 100]. Читаем: "повоевали *Польну реку* да *Торнову* да *Снежну*". Здесь мы видим примеры и фонетического освоения чужих названий (*Торнова*, в другом документе *Торма* – *Torniojoki*), и их перевода (*Польна река* – *Aurajoki*, *Снежна* – *Lumijoki*). В иных документах мы видим названия *Купецкая река*, *Черная*, *Колокол*, *Сизовая* (*Siikajoki*), наряду с *Перна* (*Perniö*), *Кемь* (*Kemijoki*), *Овули* (*Oulujoki*), *Гавка* (*Haukijoki*), *Поуташ* (*Pudas*), *Лименга* (*Ilmenjoki*). Но в Финляндии в результате этого не появились ни *Polnojoki*, ни *Limenki*, а остались свои исконные названия.

Наглядным подтверждением сказанному служит упомянутое северо-западное При-

ладожье. В шведских писцовых книгах 1618 и 1631 гг. [История 1987], составленных вскоре после завоевания этих земель, мы видим те же названия, что и в русских документах конца XV – второй половины XVI в. [Кн. 1500; История 1987; Самоковцов 1909], лишь порой искаженные шведской передачей. Вот несколько примеров: *Höydiess By* – карел. *Höytiäisen-kylä; Låukula By* (1631) – Ловгола (1500); *Pögonlax* (1618, 1631) – карел. *Pohjankylä (*Pohjanlaksi)* – Погицы (1500, 1571); *Pothorodis* (1618) – Нивкола под Городищем (1500); *Eglojerfui* – карел. *Jägäläjärvi* – Яглярва (1500, 1571); *Manssila* (1590, 1618, 1631) – Маньшела Меньшая (1500). Такое название, как *Griidala By* (р-н Хелюля, Сердовольский погост [История 1987: 562]), также не может считаться скандинавским (из *gridr*), несмотря на то что в предшествующих русских документах оно не зафиксировано. В его основе явно лежит русское *Гридя* (< *Григорий*), оформленное карельским ойконимным суффиксом *-la*. Из огромного количества названий, содержащихся в названных документах, скандинавское происхождение можно допустить (не располагая пока свидетельствами против этого) лишь для *Waasa* в округе Суоярви [История 1987: 362] (хотя возможно и карел. **Voasa* < *Вася*). Даже после длительного периода шведского владычества, шведских ойконимов (тем более – оронимов и гидронимов) в этих землях оказалось очень мало.

Что показывает археология? Эпоха средневековья (2 пол. I тыс. н.э. – XV в.) в Карелии представлена 4 группами памятников [АК 1996: 271–310; Кочкуркина 1989]: охотничье-рыболовецкие поселения Прионежья и Прибеломорья X–XI вв.¹; курганы Олонецкого перешейка и Уницкой губы Онежского озера рубежа I–II тыс. н.э., оставленные предками велсов; памятники летописной Корелы 2 пол. I тыс. – конца XV в. в Северном Приладожье; культовые памятники саамов (сейды, лабиринты, каменные кучи) в Северной Карелии.

Некоторые памятники связывают со скандинавами. К ним относят два объекта в северо-западном Приладожье (см. ниже), один в дер. Гиттойла на Олонке и курган у дер. Кокорино в Уницкой губе, где обнаружены вещи скандинавского типа [Спиридонов 1992]. Прочие подобные находки приурочены уже не к Карелии, а к бассейнам Паши и Сяси, где некоторые захоронения X в. определены как скандинавские и финно-скандинавские.

Эти выводы, однако, далеко не бесспорны. Атрибуция отдельных вещей об этническом происхождении их владельцев ничего не говорит, а свидетельствует лишь о торговых связях населения. Так, помимо скандинавских вещей, в упомянутых памятниках древних карел и велсов найдены мечи западноевропейского происхождения, ожерелья, аналоги которым обнаружены в Византии, и византийские шелковые золотные ленты, шелковые ткани из Средней Азии, сосуды, схожие с теми, что найдены в салтово-маяцких и булгарских памятниках, восточные наременные украшения, импортируемые через Булгар. Но из этого не делают вывода о пребывании в Карелии и Присвирье западноевропейцев, греков, арабов или булгар. Эти находки говорят лишь об оживленных торговых связях местного населения с ближними и дальними народами. Об этом же свидетельствуют клады с западно-европейскими и восточными монетами конца X – начала XI в., найденные у устья Неглинки на Онежском озере, в Падмозере (Заонежье) и на оз. Сандал. Более надежным маркером этнической принадлежности считается обряд погребений. Здесь уместна развернутая цитата о памятниках юга Карелии, Приладожья и Прионья [АК 1996: 309]: "О населении, оставившем приладожские курганы, спорили много, но в конце концов пришли к заключению, что в основной своей массе оно было прибалтийско-финского происхождения и в меньшей степени скандинавского, к которому позднее добавились славяне. Вопрос об археологических критериях опознания скандинавских погребений ставился неодно-

¹ По мнению автора соответствующее население оставило так называемую чудскую топонимию, т.е. говорило на архаичном языке прибалтийско-финского типа. Памятники обнаруживают связь с лесной зоной Русского Севера, особенно с Белозерьем и Верхневолжьем [Спиридонов 1990] – районами обитания летописных веси, мери и чуды заволочской.

кратно. Однако применение этих критериев при работе с конкретным материалом требует дополнительных общесторических рассуждений и логических доводов (то есть привнесения субъективных факторов. – А.Ш.). Конечно же, погребальный обряд менее подвержен изменениям и более надежен при определении этноса умершего. Но характерный (в общих чертах) для скандинавов обряд – кремация с помещением остатков в курган – явление чрезвычайно распространенное в эпоху раннего средневековья, и использование этого признака в условиях Приладожья неэффективно при выяснении этнической принадлежности погребенного, поскольку местное население именно у скандинавов восприняло курганный обряд погребения². Скандинавский набор украшений (типичный предмет импорта. – А.Ш.) и присущие местной культуре предметы порой находились в одном и том же погребении. Сомнений нет, что среди прибалтийско-финского населения находилось скандинавское (нами определено 29 таких захоронений³), но атрибуция скандинавских погребений спорна, поскольку они соединяют в себе особенности культуры обоих этносов”.

Эти общие положения могут быть иллюстрированы тремя примерами. Первый: “Трупосожжение под каменной кладкой в местечке Нукутталахти у г. Сортавала (VI в.), по мнению Э. Кивикоски, шведское. Однако инвентарь захоронения не дает однозначного ответа, а свидетельствует лишь о близости к прибалтийской культурной области” [АК 1996: 313]⁴. Пример второй: захоронение начала X в. мужчины и женщины на возвышенности Лопотти у р. Куркийоки определено как скандинавское на следующем основании: “инвентарь памятника... указывает на связи со Швецией, Финляндией и Прибалтикой” [Там же: 315]. Пример третий: о кургане Вихмязь-90 XI в. на р. Паша говорится: “Этническая принадлежность одного погребения, возможно, скандинавская, судя по наличию воткнутого в грунт копыя” [Там же: 293].

Итак, археология не дает надежных свидетельств скандинавской колонизации юго-восточного Приладожья и, тем более, Южной Карелии в IX–XI вв. Специалисты говорят лишь об опорном пункте скандинавов на Сяси (см. ниже об атрибуции топонима *Alaborg*). Позднейшие же события достаточно полно освещены документами. Для периода, предшествующего составлению дошедших до нас писцовых книг (для Южной Карелии это конец XV в., для остальной территории – вторая половина – конец XVI в.) интересующая нас информация содержится в древнеисландских географических сочинениях и сагах, фрагментах договора между Норвегией и Новгородом (1251/1252 г.), шведской “Хронике Эрика” XIV в., новгородских берестяных грамотах, Ореховецком договоре 1223 г., летописях, отдельных актах [Джаксон 1994; Глазырина 1996; Кочкуркина, Спиридонов, Джаксон 1990; Зализняк 1995; Рыдзевская 1978; НПЛ; ПСРЛ; ГВНП 1949].

Эти известия говорят о разбойничьих набегах, торговых экспедициях, позднее – о воинской службе скандинавов у русских князей, не более того. Это касается территории Руси в целом. В отношении Карелии нет и таких, пусть кратких, но определенных свидетельств, если не говорить о расплывчатых формулировках: *был на востоке в Кирьялаланде; покорил Финнланд и Кирьялаланд, Эйстланд и Курланд и много земель в Аустрлэнд*, где скорее подразумевается восточная Финляндия или прилегающие к ней районы Приладожья.

² Это утверждение также очень спорно. Как тогда трактовать наличие сотен курганов Поволховья, Приильменя, Помостья? Традиция погребения с насыпанием сопок и курганов (прослеживаемая здесь с V в.) приписывается финно-уграм, от которых этот обряд восприняли пришлые кривичи и ильменские словене [Башенькин 1993: 135–143]. При чем здесь скандинавы?

³ То есть около 4% от общего количества исследованных курганов (около 700).

⁴ Ср.: “Погребение в Нукутталахти... свидетельствует, по нашему мнению, о существовании, наряду с охотничьими промысловыми поездками в приладожскую Карелию (населения Финляндии, Эстонии и, возможно, верховьев Волги), практики обмена продуктов местных промыслов на украшения. Именно этим можно объяснить попадание в каменную насыпь украшений западного и восточного происхождения” [Сакса 1997: 181].

Некоторые исследователи, все же, склонны видеть в исландских сагах указания на посещение Карелии викингами⁵. Г.В. Глазырина, вслед за К.Ф. Тиандером, полагает, что топоним *Alaborg* "Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна" (создана в XIV в.) обозначает город, расположенный в Северной Руси [Тиандер 1906: 286; Глазырина 1984]. Поскольку *Alaborg*, по саге, находится к северу от *Aldeigjuborg'a*, т.е. от Ладоги, и граничит с *Bjarmaland'om* (который локализируют на различных территориях от Подвинья до Кольского п-ва), Глазырина отождествила его с неким населенным пунктом на р. Олонец (по созвучию первых частей названия *Alaborg* и карельского названия низовьев Олонца – *Alavoine*). Против этого выступили Т.Н. Джаксон и Д.А. Мачинский, указав, что на Олонце пока не найдено следов постоянных поселений IX в. (к этому времени они относят события, описанные в саге) [Джаксон, Мачинский 1985]. В свою очередь, эти авторы предложили свою трактовку географических названий саги. *Alaborg* они отождествили с городком IX–X вв. на р. Сясь у с. Городище; *Krakunes* "Вороний мыс" – с мысом *Воронов* (*Воронок*) на о. Птинов на Ладожском озере, в 19 км от устья Волхова; *Klyfandanes* "Раскалывающий мыс" – с мысом *Терешинниemi* (фин. *terä* "острие"), ныне *Резной* на западе Ладожского оз.; *Kirjalabotnar* "Карельское окончание заливов" – с о. Кокорино в Уницкой губе Онежского оз., где найдены курганы IX–X вв. Против этого можно привести следующие соображения (см. и [Глазырина 1996]):

- фантастический характер саги, недостоверность содержащихся в ней сведений [Шаскольский 1994; Рыдзевская 1978, вводная статья М.И. Стеблин-Каменского].

- любое отождествление комплекса названий саги с реальными объектами региона всегда будет носить элемент произвола, ибо на соответствующем огромном пространстве можно найти множество "нужных" комбинаций. Скажем, *Klyfandanes* "Раскалывающий мыс" можно соотнести с *Сортавалой* (по Я.К. Гроту – из фин. *sorttawa* "рассекающий"). "Вороньих" же названий мысов, данных разными народами (*Вороний мыс*, *Карнежниemi*, *Варишнema*, знаменитый *Варашов Камень* и под.), в Приладожье и Прионежье вовсе нет числа.

- название со значением "Карельское окончание заливов" скорее можно приурочить к СЗ Приладожье (ср. там поселение *Пога*, *Погицы* [Кн. 1500] из *rohja* "конец залива"), где действительно жили древние карелы, но никак не к СЗ Обонежью, где в те времена могли жить саамы, древняя чужь или вепсы. Древнее поселение на о. Кокорино и определено как вепсское [Финно-угры 1987: 59; Спиридонов 1992]. Но наиболее убедительным видится предположение, что *Kirjalabotn* означало Финский залив [Мельникова 1977: 204].

Таким образом, и письменные источники свидетельствуют разве что об эпизодических посещениях скандинавами южной Карелии, но не о постоянном проживании их там.

Перейдем к показаниям антропонимии, хотя и оговоримся, что этот материал не может являться надежным показателем в силу заимствований русскими ряда древнескандинавских имен. Е.А. Рыдзевской рассмотрены личные имена, встречающиеся в древнерусских документах. Помимо лиц, поименованных в договорах Олега и Игоря с греками, и известных лиц из княжеского окружения (*Асмуд*, *Свенельд*) это *Ивор*, *Рогнедь*, *Свень*, *Стеgrimъ*, *Улебъ*, *Яволодь*, *Якунъ*, возможно *Олы* (сокращенное из *Олаф*)⁶. Не так уж много. Притом это, опять-таки, имена лиц из "высших кругов".

⁵ О посещениях скандинавами Беломорской Карелии до XV в. (о чем писал К.Ф. Тиандер) говорить не будем. Свидетельств тому, что эти посещения оставили какой-либо след в материальной культуре Беломорья, пока не найдено. Тем более, нет оснований искать этих следов в топонимии района.

⁶ В скандинавов пытались зачислять и *Туки*, хотя летопись неоднократно подчеркивает, что он *братъ Чюдинъ* (Миккулы Чудина). Для его имени имеется прозрачная, подкрепленная топонимическими и антропонимическими аналогами, прибалтийско-финская этимология [Шилов 1996: 39]. К ранее указанному добавим название *Tukiantmäki* "Гора Туки" в Сердовольском погосте Водской пятины [История 1987: 330], именованная *Гришка Тюкуев*, *Родивонко Тюкуев* [Книги 1930].

Обратившись к берестяным грамотам, представляющим собой переписку лиц самого разного происхождения и социального положения, мы видим следующее [Зализняк 1995]. Из более чем 1000 личных имен большинство является русскими, несколько (3–4) балтскими, одно возможно татарским (*Алюй*), более 40 – прибалтийско-финскими и саамскими. К скандинавам или их потомкам можно отнести лишь трех-четырёх персонажей: *Стеня* (?), *Якуна*, *Жиряту Якуновича* (НГБ № 434 начала XII в.), да *Азъгута* из Моревской волости на Селигере (НГБ № 526: 80-е гг. XI в.). При этом в грамотах, относящихся к Карелии (НГБ №№ 2, 93, 130, 131, 138, 141, 248–249, 278, 403), подобных имен нет вовсе.

И по другим старым документам (писцовые книги, акты и др.), скандинавских имен в Карелии не отмечено. Правда, В. Ниссиля [Nissilä 1967: 104–105] видит шведов в именовании *Лаврок Швец* в Олонецком, *Ондрейко Швец* в Остреченском и *Третьяк Швец* в Шуньгском погостах [Книги 1930]. Но эти имена, как и название *Швецова гора* у Чикозера, идут не от *швед*, *шведский*, а от *швец* "тот кто шьет". Позднейшие именованья типа *Шведовская*, *Шведка* (*Švedankülä*), *Шведов* (там же микропоним *Ruot'sinnurmed* "Шведские луга") [Сп. 1928] отношения к нашему вопросу уже не имеют⁷ (об употреблении этнонимов *швед*, *ruotši* в Карелии см. ниже).

Наконец, обратимся к собственно топонимическим свидетельствам. Для территории Северной Руси подобные изыскания были проведены в классических исследованиях [Ekblom 1915; Vasmer 1931; Рыдзевская 1934]. М. Фасмер нашел на территории бывшего СССР около 150 топонимов, интерпретируемых им как скандинавские. Наиболее полно вопрос освещен Е.А. Рыдзевской, проанализировавшей и дополнившей работы Экблома и Фасмера. Ею рассмотрено множество ойконимов, основы которых созвучны скандинавским личным именам⁸. Изыскания Рыдзевской довели число таких ойконимов почти до 400 (из них 120 в бывших Псковской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях). Эти цифры приводит Ловмянский, находя их незначительными на фоне общего числа поселений в этих землях [Ловмянский 1985: 99–103]. Но и эти цифры недостоверны. Уже Рыдзевская убедительно отвела скандинавскую этимологию многих ойконимов (*Берново*, *Бутово*, *Гоманиха*, *Гудово*, *Колюберово*, *Монино*, *Моторово*, *Редрово*, *Стырево*, *Турдеево*, *Якуниха* и др.), приводя надежные славянские параллели. Основной ее вывод: одни названия являются явно более древними, чем эпоха викингов, другие объясняются из русского языка (добавим: а иные из балтских и финских) и лишь малая часть названий может действительно происходить из скандинавских личных имен. Но носителями их не обязательно были скандинавы, ибо эти имена входили в состав древнерусского ономастикона. Порой сомнительно само антропонимическое происхождение основ ойконимов, ибо они повторяются в составе ряда гидронимов, что не характерно для той эпохи [Рыдзевская 1978: 136]. Позднее эту небольшую группу, оставленную Рыдзевской "в подозрении", еще более сократил С.Б. Веселовский [Веселовский 1945: 34].

Заметим, что среди обсуждаемых населенных пунктов нет сколь-либо значимых, а чем дальше к северу и северо-востоку, тем число поселений с предположительно скандинавскими названиями сокращается вплоть до полного исчезновения. Правда, Ловмянский принимает скандинавскую атрибуцию *Спиркова* (позднее *Спиркова гора* [Насонов 1951]) и *Тудорова погоста* Устава Святослава 1137 г. Но имя *Спиридон* естественным образом выводится из *Спиридон*. *Тудоров погост* логично отождествлен

⁷ Более того, они могут иметь вовсе не этнический смысл. Так, *шведами* (а также *колдунами* и *фарео-нами*) прозвали соседи группу жителей дер. Мандера в Прионежье [Михайлова 1993].

⁸ Скандинавские этимологии предлагались даже для гидронимов *Туд*, *Суда*. Однако они имеют альтернативные объяснения, гораздо более правдоподобные исторически; ср. *Молодой Туд* (приток верхней Волги) и прибалт.-фин. *tutto* "девочка, молодая женщина", *Суда* (приток Шексны) и *susi* (**suti*) родит. пад. *suden* "волк".

с позднейшим Тудозерским погостом на юго-востоке Онежского озера [Насонов 1951], в названии которого первичен скорее лимоним (Түдоро < **Tud'arv* или **Tudjawre*), а не антропоним. Да и само имя Түдор на северную Русь пришло не из Скандинавии, а с Руси южной, являясь отражением одного из вариантов передачи греч. θεοδωρος, откуда также Феодор [Зализняк 1995: 264].

Вывод, сделанный Рыздзевской, конечно не остановил поисков скандинавского топонимического следа в Северной Руси (см. [Schramm 1982; Шрамм 1994] и рецензию [Шаскольский 1994]), но к заметным результатам они не привели. Особо неудачными следует признать попытки привлечения скандинавских апеллятивов. Характерен в этом отношении пример главного города древлян *Искоростеня*. Его возводили к др.-сканд. **Skorosten* "Скала с зарубкой". Такое же происхождение предлагалось и для названий местечка *Коростышев* на р. Тетерев и с. *Коростынь* у Ильменя [Клейбер 1960]. А есть еще дер. *Коростень* на р. Сить в Костромской обл. Что же, и здесь побывали варяги и нашли скалу с зарубкой? Вряд ли скандинавская этимология останется сколь-либо убедительной на фоне данных русского языка, в котором есть и *короста* "сажа, корка, стружья", и *керста* "могила, гроб" (уже в ПВЛ под 1092 г.), и диалектные *короста* "кочковатое, неровное место", *коростень* "болотный кочкарник" [Мурзаев 1984: 291].

Таково положение в Северной Руси, где бывшее временное присутствие скандинавов не подлежит сомнению. Перейдя в Карелию, начнем с рассмотрения топонимов, произошедших из этнонимов. К таковым, кроме тех, что обозначают исконных жителей Карелии, относятся топонимы с основами *Немец-* и *Ruotši-*. Здесь следует иметь в виду, что русские называли *немцами* всех западноевропейцев (финнов порой называли *калянские немцы*). Карельское же *ruotši*, *ruotšilainen* (-set) обозначало не только и не столько шведов, но всех западных соседей, находившихся под властью Швеции: финнов и тех же карел. Позднее "шведский" стало также означать "неправославный, лютеранский". В Карелии эта семантика оказалась присуща и русскому *немец*, *немецкий*. Показательна в этом отношении берестяная грамота № 248–249, говорящая о набегах из шведской Финляндии на Приладожские погосты: *приобижени есмь с нимечкою половине...* *Новзе лопинь* (был в числе обидчиков). Следует также учитывать, что на юге Карелии топонимы с основой *Роч-* могут иметь иное происхождение. Так, в Прионтье известно вепс. *ročinkoumad* "могилы рочи" (наряду с топонимами *Ročid*, *Ročinkorb*). Современное *roč* означает "некрещеный ребенок", восходя к семантике с мифологическим значением, отражающим культ предков [Муллонен 1993] (ср. с русск. *чудские могилы*, *чудские ямы*, обозначающим следы любых древностей безотносительно к этнической принадлежности их носителей). Нельзя игнорировать и русск. *роча* "промысловая изба", и саам. *ruots* "бурелом".

Кроме того, топонимы с соответствующими основами созданы не шведами, а местным населением, отметившим присутствие иноземных находников. Тем не менее, даже с указанными оговорками, они потенциально могут свидетельствовать о былом присутствии здесь скандинавов (шведов). Но о каком времени может идти речь? Если не говорить о заведомо поздних топонимах (*Немецкая Шильта* на п-ве Заонежье) и микропонимах (о происхождении их говорилось при рассмотрении антропонимии), можно отметить такие названия (в скобках указан год первой фиксации): дер. *Немецкая* на Свири близ Важин (1792), *Немецкий остров* (*Руоччинсари*) на Сямозере (1563), *Немецкий Кузов* – о-в в Белом море (1568), *Немецкая щелья* у дер. Вирма на Белом море, *Немецкая гора* у Шальского погоста; *Ротчезеро* (*Ruotšärvi*) в басс. Малой Суны, *Рочилампи* в басс. Воломы, *Рочинлакиши* на р. Унга (басс. Онды), *Рочавара* – г. у Ковдозера, *Руччашуарет* – о-ва на Топозере (рядом *Лопарихен-шуарет*), возможно озера *Рощинское* и *Роца* на западе Олонецкого перешейка (1728).

Показательна география этих названий. Они группируются в районах, которые подвергались военным набегам шведов, известным по историческим документам

[Акты 1990; История Карелии 1972]. В большинстве случаев соответствующие события, привязанные к этим географическим объектам, оказались зафиксированы и в народных преданиях⁹ [Смирнов 1876; Криничная 1978; 1991], самое раннее из которых (о набеге 1496 г. на Карельское поморье) записано еще в 1568 г. [Филипов 1901]. В массе своей эти события происходили в XVI–XVII в. и собственно шведской топонимии в Карелии не оставили.

Обратимся к топонимам, для которых, все же, предлагались скандинавские этимологии:

Игумор наволоок – так был первоначально прочтен топоним НГБ № 2 конца XIV в. (касающейся р-на Водлозера). Он был сопоставлен с др.-сканд. именем *Ingmarr*. Но эта трактовка была впоследствии отвергнута и заменена чтением *и Гугмор наволоок* [Зализняк 1995] на основании формы названия, приведенной в писцовой книге 1563 г. [Книги 1930] (позднее *Гумар-наволоок*). Это название выводится из прибалт.-фин. *hu(u)mar, huumar* "мельничная ступа, толчея".

Толвуя – древнее поселение на п-ве Заонежье. В. Ниссиля предложил происхождение топонима из сканд. *Tolvi < Tohlvard*. Но более естественно выглядит традиционная этимология: карел. *talvi oja* или саам. *tall'v vuaj* "зимний ручей" [Керт, Мамонтова 1982].

Алгота ручей в басс. Свири [Книги 1930: 78] некоторые авторы выводили из сканд. *Algot*. В. Ниссиля назвал такую трактовку проблематичной [Nissilä 1967]. Действительно, название естественным образом может быть выведено из карел. *Alhod'ogi* "Река в низине" с переразложением *Alhod-jogi*, характерным для русского освоения гидронимов Южной Карелии с элементами *d'ogi, d'ärvi*, и последующим "калькированием" *ogi* как "река, ручей" и *ärvi* как "озеро".

Наиболее последовательно идея о наличии скандинавской топонимии в Карелии, точнее в Заонежье, изложена в [Агапитов 1990; Агапитов, Логинов 1992]. Их авторы считают, что эта топонимия возникла в ходе крестьянской колонизации, исходящей из южного и юго-восточного Приладожья. Полагается, что среди переселенцев были и лица скандинавского происхождения (но см. выше о социальном составе скандинавской прослойки в Древней Руси). Ниже мы приведем этимологии этих работ и альтернативные им прибалтийско-финские или русские.

Гардакова гора – холм в с. Вегоруксы – сравнивается со швед. *gard(e)* "дом, огороженное место". Однако, ср. с людик. *hard', hard'akka* "песчаная грядя; холм".

Блюдростров – из имени *Bludr* или *blót* "жертва" и *ör* "луда". Но ср. с др.-русс. *Блуд* или *блюдо* (за форму рельефа). Появление *-р-* на стыке основы, кончающейся на согласную, и детерминанта нередко в северорусских топонимах: *Рандостров* – *Рандростров* [Панаева 1979].

Ор-наволоок – мыс в Мелой-губе – из швед. *åra* "весло", сравнивая с фин. *mela* "весло" (> *Мелой губа*). Но Ор-наволоок – не единственный мыс в губе и их названия не обязательно связаны друг с другом¹⁰. *Мелой-губа* может быть возведено к саам. *mielle* (фин. *mella*) "прибрежные галечно-песчаные обрывы, склоны". Топонимы же на *Ор-* в Карелии многочисленны и могут происходить от самых разных карельских и саамских слов.

Полянка Олафа у бывшей дер. Жилище на Мягрозере – из имени *Olafr*. Альтернативу мы видим в карел. *elävä* "жилой" (ср. *Жилище*) с переходом *е-о* в анлауте на русской почве.

Дер. *Лонгачевская*, ныне *Лонгасы* – из швед. *lång* "длинный". Мы же полагаем это

⁹ Правда, иногда предание "смещало" событие по времени, особенно если набеги на данную местность (Беломорье, Олонецкий перешеек) происходили неоднократно.

¹⁰ Кстати, А.И. Попов [Попов 1940: 44] рассматривал иную пару названий: *Мелой-губа* (в [Книги 1930] иногда *Миляя губа*) – *Лембитов остров*, сравнивая последнее с карел. *lembi* "любовь".

название производным от прозвища **Лонгач*, в основе которого могли лежать различные карельские и вепские апеллятивы, например *lanko*, *lango* "свойак, шурин".

Дер. *Удоевская* – из сканд. *Ud(de)*. Очевидно из русского *Удоев* (ср. неоднократно *Удоевы* в [Акты 1988]). Эта фамилия могла быть как русской, так и карельской (*ottova* "добычливый"), и даже саамской (*udda* "новый", *vuudte* "лес, бор") по происхождению.

Дер. *Ботоевская* – из др.-северн. *Bóti*, швед. *Vote*. Но ср. *Ботай Иванов* из Сумской волости [Акты 2: 198] и дер. *Ботинская* на Падмозере (она же *Ботинска* на Плане генерального межевания 1788 г. и *Ботвинская* в [Сп. 1928]), где в 1563 г. жил *Ентрош Ботва* [Книги 1930].

Дер. *Бездюревская* – из швед. *bister* "суровый, мрачный". Нам же здесь видится русское прозвище *Бздюр* или *Бздырь* – из *бздырить* "носиться, бегать взад и вперед (о скоте, когда его мучает жажда и оводы)".

Дер. *Мизуры* – из швед. *myggor* "комары", сравнивая с ближним урочищем *Комарницы*. Карел. *mäkkärä*, саам. *meeger*, *meegkär* также означает "комар, мошка". К паре же *Мизуры-Комарницы* (последнее, кстати, скорее идет от личного именования) можно указать карел. *mükkürä*, вепс. *mügar* "холм" и карел. *kummar*, *kummuri* "холм, горка".

Мезельщина – урочище на Б. Климецком о-ве (а неподалеку урочище *Зуб*) – из швед. *mejse* "зубило, долото, резец". Суффикс *-щина* означал принадлежность. Потому в основе названия логично видеть имя **Mesel* – из русск. *Мусаил*, либо фин. *meiseli*, эст. *meisel* "зубило", или же фин. *mesiläinen*, людик. *mežiaine*, эст. *mesilane* "пчела".

Дер. *Сямнега* – из др.-северн. *Saemigr*, *Semingr*, др.-швед. *Saeming*. Но в ранних документах (как минимум с 1563 по 1788 г.) деревня именуется *Сявнега*, а ближняя к ней речка называется так и сейчас. Подобных названий в Карелии много, и они раскрываются из карел. *säinägä* "язы".

Таким образом, указанные названия получают правдоподобную интерпретацию на русской или прибалтийско-финской почве. Повторим, что простое созвучие основ топонимов со словами тех или иных языков само по себе еще не может рассматриваться как доказательство той или иной этимологии. Так, если бы автор задался целью "найти" древнюю скандинавскую топонимию в Карелии, никакого труда не составило бы подыскать "нужные" названия, даже не прибегая к "этимологическим попыткам". Скажем, *Якунвара* или *Дек-наволоок*, карел. *D'ekunniemi* можно было бы сравнить со сканд. *Якун*, хотя первое название видимо происходит из карел. *jako* "раздел" или прибалтийско-финского источника арханг. *якунить* "ходить на промысел пушных зверей", а второе из имени *D'ekku*, *D'ekki* – сокращения из *Дехкима* (русс. *Ефим*) [Nissilä 1967]. *Линдозеро* (карел. *lindu* "птица") можно вывести из др.-сканд. *lind* "липа", *Теннула* (имя *Тенпи*) из *sten* "камень", *Витаниеми* (*viita* "молодой ельник") из *hviita* "белый", *Маркинплесо* (имя *Markki*) из *tarka* "лесной", р. *Илакса* (*ülälaakso* "верховье реки") из *laksa* "лососевая" и т.д. Так же, при желании, можно было бы усмотреть в названиях *Сердоболь*, *Вавдиполь*, *Таржеполь*, *Военполь* др.-сканд. *hæli* "двор", хотя большинство этих топонимов входят в обширный ареал финно-угорских названий с формантом *-пол(а)/-бол(а)* [Попов 1974; Матвеев 1996], а в *Вавдиполь* элемент *-поль* и вовсе отражает русское *поле*¹¹.

Важно не то, что опровергнута скандинавская этимология того или иного названия; решающую роль играет тот факт, что в Южной Карелии отсутствуют микротопонимы с характерными для древнескандинавской топонимии формантами, восходящими к *hy* "деревня", *het* "дом", *hult* "роща", *mål* "отмеренный кусок земли", *gut* "вырубка,

¹¹ На это указывает форма названия *Онды-пелды* [Книги 1930], где *-пелды* – из карел. *peldo* "поле". Таким образом, *Вавдиполь* есть полупереvod, в котором сочетается адаптированное русскими карельское имя *Вавдита* (на основе отождествления *Вавдиполя* с пунктом *оу Вавдита* "Устава Святослава" 1137 г. [Насонов 1951]) или же карел. *outo* "лес, бор" с калькированным *peldo* "поле".

открытое место", *stad* "город, стоянка, жилье", *tomt* "участок земли", *tun* "отгороженный луг (святая поляна)", *åker* "пашня" и т.п. (подробнее см. [Егорова 1981]). Кроме того, в русских, карельских и вепсских говорах Карелии не отмечены скандинавские заимствования, которые могли бы восходить к эпохе средневековья и быть восприняты в данном регионе. Следовательно, на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, мы должны на сегодняшний день ответить отрицательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапитов В.А. 1990 – Скандинавские черты в топонимии Заонежья // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990.
- Агапитов В.А., Логинов К.К. 1992 – Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992.
- Арх. лет. 1950 – Устюжский летописный свод (архангельский летописец). М.; Л., 1950.
- АК 1996 – Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Акты 1988 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- Акты 1990 – Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- Башенькин А.Н. 1993 – Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология 1990. Материалы по археологии России. Вып. 1. М., 1993.
- Веселовский С.Б. 1945 – Топонимика на службе у истории // Исторические записки. 1945. Т. 17.
- ГВНП 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Глазырина Г.В. 1984 – Alaborg "Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна". К истории Русского Севера // ДГ 1983. М., 1984.
- Глазырина Г.В. 1996 – Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.
- Джаксон Т.Н. 1994 – Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.
- Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А. 1989 – "Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна" как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989.
- Егорова Т.П. 1981 – Географические аппеллятивы и словообразующие модели скандинавской топонимии // Топонимика зарубежных стран. М., 1981.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- История 1987 – История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987.
- История Карелии 1972 – История Карелии в документах и материалах. Ч. 1. Дореволюционный период. Петрозаводск, 1972.
- Керт Г.М., Мамонтова Н.Н. 1982 – Загадки карельской топонимии: рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.
- Клейбер Б. 1960 – Искоростень // Scando-Slavica. Copenhagen, 1960. V. 6.
- Книги 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Кн. 1500 – Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины 7008 года // Временник МОИДР. Кн. 12. 1852.
- Кочкуркина С.И. 1989 – Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.
- Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. 1990 – Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990.
- Криничная Н.А. 1978 – Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) Л., 1978.
- Криничная Н.А. 1991 – Предания Русского Севера. СПб., 1991.
- Ловмянский Х. 1985 – Русь и варяги. М., 1985.
- Мамонтова Н.Н., Кочкуркина С.И. 1982 – О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов // Древняя Карелия. Л., 1982.
- Матвеев А.К. 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.
- Мельникова Е.А. 1977 – Скандинавские рунические надписи. М., 1977.
- Михайлова Л.П. 1993 – Фараоны, девятые люди и другие жители Карелии // Родные сердцу имена. Петрозаводск, 1993.
- Муллонен И.И. 1993 – О "святых" топонимах и некоторых следах древних верований в вепсской топонимии // Родные сердцу имена. Петрозаводск, 1993.
- Мурзаев Э.М. 1984 – Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Насонов А.Н. 1951 – "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

- Панаева С.Ю. 1979 – Заметки о комбинаторных изменениях в полукальках на стыке субстратной основы и русского географического термина (детерминанта) // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск, 1979.
- Попов А.И. 1940 – Непечатый источник истории Карелии (карельская топонимика) // Родные сердцу имена. Петрозаводск, 1993.
- Попов А.И. 1974 – Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
- ПСРЛ 1994 – Полное собрание русских летописей. Т. 39. М., 1994.
- Рыдзевская Е.А. 1934 – К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Изв. АН СССР. 1934. Сер. VII. ООИ. № 7, 8.
- Рыдзевская Е.А. 1978 – Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978.
- Сакса А.И. 1997 – Город Корела – центр приладожской Карелии // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997.
- Самоковцов Д.Я. 1909 – Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. М., 1905–1909.
- Смирнов М. 1876 – Руочин саари – Шведский остров на озере Сямозере // Олонецкий сборник. Вып. 1. Отд. 2. Петрозаводск, 1875–1876.
- Сп. 1928 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928.
- Спиридонов А.М. 1990 – Заселение Челмужского погоста (по археологическим материалам X–XVI вв.) // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990.
- Спиридонов А.М. 1992 – Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992.
- Тиандер К.Ф. 1906 – Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- Филипов А.М. 1901 – Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. Т. 1. Кн. 3. СПб., 1901.
- Финно-угры 1987 – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Шаскольский И.П. 1994 – Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма // Отечественная история. 1994. № 2.
- Шилов А.Л. 1996 – Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шрамм Г. 1994 – Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.
- Eklblom R. 1915 – Rus- et wareg- dans les noms de lieux de la region de Novgorod // Archives d'etudes orientales. XI. 1915.
- Nissilä V. 1967 – Die Dorfnamen des alten Judischen Gebiets. Helsinki, 1967.
- Schramm G. 1982 – Normannische Stützpunkte in Nordwestrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // Beitr. zur Namenforschung N.F. Bd. 17. Hf. 3. 1982.
- Vasmer M. 1931 – Wikingerspuren in Russland // SPAW. Phil.-Hist. Kl. Bd. XXIV. 1931.